

АЗБУКА-КЛАССИКА

NON-FICTION

Афоризмы Старого Китая

*В переводах
Владимира Малявина*

Санкт-Петербург

УДК 13
ББК 87.3(5Кит)
А 94

Перевод с китайского Владимира Малявина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-27654-3

© В. В. Малявин, перевод,
статья, примечания, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Язык сердца: афоризм и китайская традиция

Три правила сопутствуют мышлению, достойному своей истории: строгость в осмыслении, взыскательность в высказывании, бережливость в расходовании слов.

В чем нуждается нынешняя обремененность мира нуждами: меньше философии, но больше внимания к мысли, меньше литературы, но больше чуткости к присутствию слова.

М. Хайдеггер

Мудрое восточное изречение...

Что может быть более привычного, стереотипного, общепризнанного в наших представлениях о литературном наследии Востока? Что может быть в этом наследии более чаемого, более ожидаемого, даже если ожидания оправдываются далеко не так часто, как хотелось бы? Есть в восточных афоризмах, в нашем идеальном образе «восточного афоризма» особая, неотразимо-пленительная магия. Не оттого ли, зачарованные непритязательной убедительностью этих изречений, мы так редко задумываемся над природой афористической формы выражения мыслей, над местом и значением афористического слова в культурах стран Востока?

А между тем афоризм способен многое поведать о происхождении и призвании словесности, об отношении литературы к жизни. Ведь афористику по праву можно назвать искусством жизненной правды. В афоризмах жизнь еще не заслонена отвлеченными идеями, принципами или законами; в них она сверкает и переливается бесконечно разнообразной мозаикой лиц, ситуаций, точек зрения, в них находят подтверждение самые общие и самые непосредственные, неуловимые

для логических формул ценности человеческого бытия. И афоризм так же убедителен, как может быть убедительно только приходящее внезапно, но извечно предвкусываемое и оттого даже не нуждающееся в доказательствах понимание того, что жизнь *реальна* и что в ней есть, как выразился китайский литератор, «нечто подлинное».

Быть может, в загадке афористической мудрости — всегда странно знакомой, хранящей в себе целостное видение мира, но никогда не повторяющейся — отображается загадка самой жизни: вечно новой и неизбежной, равно достижимой для всех и столь же для всех неуловимой, самодостаточной и безграничной в каждом мгновении своего бытия.

Афоризм, соединяя в себе воображение и рефлекссию, сердечную искренность и творческую игру духа, возвращает нашу мысль к глубочайшим истокам выразительного акта, к непостижимому и все же доверительному переживанию подлинности нашего присутствия в мире.

Афористическая словесность имеет глубокие корни в классической культуре Китая. Примечательно, что наследие первого и наиболее чтимого китайского философа — Конфуция состоит из отдельных афористически сжатых высказываний. Заслуженной славой пользуются поэтически парадоксальные изречения древних даосских мыслителей — Лао-цзы и Чжуан-цзы. Но не менее примечателен и тот факт, что литературная и философская традиция Китая нашла в афоризме свое завершение: литература так называемых «малых форм» (*сяо пинь*) — разнообразные эссе, «заметки на полях», но в первую очередь все-таки отдельные изречения, сентенции и назидательные максимы, приобретшие необыкновенную популярность в Китае XVI–XVIII веков, — стала последним и самым зрелым словом китайской классической словесности.

Историческим фоном расцвета афористики в ту эпоху послужило все более углублявшееся отчуждение меж-

ду государством и образованной верхушкой общества. Среди литераторов того времени было принято с нескрываемым презрением относиться к служебной карьере, многие из них даже не пытались держать экзамен на ученое звание, что было обязательным условием политического успеха в старом Китае. Завоевание Китая маньчжурами в середине XVII века еще более обострило конфликт между властью и обществом. Новые хозяева страны понимали, что не найдут в лице ее ученой элиты искренних друзей, и стремились упрочить свое положение репрессиями и насаждением самых рутинных и догматических форм учености и словесности. В результате закосневшие, иссушенные школярскими упражнениями традиционные жанры литературы утратили всякую привлекательность; новая словесность растекалась маленькими звонкими ручейками вокруг серой глыбы официальной книжности. Подлинной пищей литературного творчества стали тревоги и радости частной жизни во всем ее разнообразии. Естественно, что афоризму — форме очень свободной, гибкой, чутко откликающейся на жизненные перемены — было суждено занять в литературе того времени почетное место.

Надо было уметь отвернуться от официозных ценностей быта, надо было проникнуться стойким отвращением к пошлости казенных мнений и идеалов, чтобы в литературе позднесредневекового Китая вполне утвердился в своих правах афоризм. Ибо тайна афоризма — это тайна вольности духа. Афоризм возвещает о жизни сознания, ставшего свободным от соблазнов света, чтобы быть свободным для себя.

Итак, афористическую словесность с полным основанием можно назвать «альфой и омегой» китайской традиции. Но что такое традиция? По-видимому, мы спрашиваем о предмете, не столь уж легко поддающемся определению. Для характеристики его как нельзя лучше подходит суждение Аристотеля о том, что люди

менее всего замечают как раз наиболее очевидное. Что может быть ближе и внятнее того, что нам передается, *передается* (памятуя о том, что слово «традиция» восходит к латинскому *traditio* — передача, предание)? Традиция жива, когда она не видна. Вот почему в традиционных культурах живое предание всегда окружено ореолом священной тайны и остается чем-то наименее выявленным, выставленным напоказ, осознанным. Напротив: современные позитивистски настроенные исследователи, помещающие традицию в область не заданного человеку, а лишь представленного, доступного наблюдению, объективированного упускают из виду все, что есть в ней существенного.

Ниже мы попытаемся рассмотреть традицию как самостоятельную и в своем роде первичную реальность человека, имеющую свою логику развития и требующую особых методов изучения; как реальность по существу своему вне-образную и доступную только символическому выражению. Наши заметки, конечно, не претендуют на всестороннее объяснение феномена традиции. Они лишь намечают один из возможных путей осмысления памятников средневековой китайской афористики, публикуемых в этой книге.

Отобранные для перевода произведения принадлежат разным историческим эпохам и разным направлениям китайской мысли. Первыми помещены изречения из малоизвестной книги «Гуань Инь-цзы», сложившейся, вероятно, в X веке и представляющей собой характерный памятник философской и литературной традиции даосизма. «Гуань Инь-цзы» состоит из разрозненных суждений, лежащих в русле мирозерцания древних даосов. Как и в книгах даосских авторов древнего Китая, мы встречаем здесь органическое единство чувства и мысли: присутствующие в тексте образы зовут к размышлениям, а, казалось бы, сугубо умозрительные выводы будят фантазию. Творчество неизвестного автора этого глубоко созерцательного сочинения

проистекает из чистого покоя внесубъективного сознания, которое не замыкается в себе, но чутко внимлет бытию, ищет живой и интимной связи с миром. В афоризмах «Гуань Инь-цзы» засвидетельствован опыт, говоря языком даосов, «само-помрачающегося» разума, который сознает свою несводимость к данным опыта или умозрения, но выявляет бесконечную перспективу посредования того и другого. Это разум, удостоверяющий себя в акте самопреодоления и потому повинующийся властному требованию никогда не повторяться, всегда быть открытым новому. Поэтому верность философской позиции древних даосских мыслителей отнюдь не мешает автору «Гуань Инь-цзы» представлять ее в новом, зачастую неожиданном свете, вводить и обыгрывать новые образы, термины и сюжеты. Речь идет, в сущности, о верности не букве и даже не идеям, а исходным интуициям традиционной мысли или, точнее было бы сказать, мысли, питающейся традицией.

Следующие два публикуемых здесь произведения сложились в XI–XIII веках в русле традиции чань-буддизма — одного из наиболее популярных и самобытных направлений китайского буддизма. Основной текст «Скрижалей Лазурной скалы» был составлен в середине XI века монахом Сюэдоу, а спустя столетие дополнен комментариями. Автор сборника «Застава без ворот учения Чань» — монах Хуэйкай по прозвищу Умэнь (букв. Без-ворот), живший в XIII веке. В книгах Сюэдоу и Умэня собраны дидактические изречения и сюжеты, получившие среди приверженцев чань-буддизма статус так называемых «публичных дел», по-китайски *гунъань* (в европейской литературе они известны больше по их японскому наименованию *коаны*). Выражение «публичное дело» было заимствовано чаньскими проповедниками из судебного лексикона средневекового Китая, где оно означало приговор суда, судебный прецедент, устанавливавшие истину. Среди чань-буддистов эти сюжеты были названы так потому, что они

служили образцовыми примерами, позволявшими последователям чань установить истину и достичь полной просветленности сознания — конечной цели чаньской аскезы. Согласно разъяснению чаньского наставника XIV века Чжунфэна, слово «публичный» в словосочетании «публичное дело» указывает на «единый путь всех мудрецов и достойных мужей мира», а слово «дело» означает «достоверные записи истины мудрецов и достойных мужей».

Таким образом, для приверженцев чань-буддизма, настаивавших на возможности внезапного просветления каждого в каждый момент жизни, *гунъань* были призваны удостоверить присутствие истины и подвести к ней тех, кто еще не познал ее. Составление *гунъань* или, точнее, извлечение их из обширного наследия житийной литературы чань-буддизма и преобразование в самостоятельные сюжеты было вызвано мотивами, лежавшими за пределами собственно литературного творчества, и *гунъань*, строго говоря, нельзя считать литературным жанром. Тем не менее эти странные, словно бы пародийные диалоги имеют немало черт, сближающих их с афористикой. Их форма во многом определена стремлением высказать как можно больше, сказав как можно меньше. Обычно в *гунъань* имеется ключевая фраза или даже одно слово, так называемое «заглавное высказывание» (*хуа тоу*), в котором, как считалось, сходилась мудрость чань. Такие «заглавные высказывания», выступавшие своеобразным фокусом духовной практики чаньского подвижника, зачастую имели вид афористически сжатых суждений.

Тенденция чаньской литературы к максимальной экспрессии и сжатости слога привела к появлению специальных сборников изречений и крылатых слов, каждое из которых воспринималось как полноценное выражение чаньской истины «всепроницающего сознания» Будды. Образчики подобных сентенций, взятые

из антологии «Собрание чаньских изречений», помещены вслед за переводом книги Умэня. Эти сентенции овеяны дыханием Неизбывного. Поставить под ними чье-то имя значило бы убить в них поэзию. Но почти в каждом звучит неповторимый, безошибочно правдивый голос человека, говорящего о лично пережитом и осмысленном. То же единение оригинального и традиционного можно наблюдать и в сборнике Умэня, который в своих комментариях к *гунъянь* подчеркнуто, подчас даже вызывающе вольно обращается с заветами великих учителей чань. И это, конечно, не бравада легкомысленного школяра, но... тоже строгая традиция!

Предлагаемую читателю подборку публикаций завершают сборники изречений, принадлежащих светским авторам XVI–XVII веков. Наибольший интерес среди них представляет сборник «Вкус корней», составленный в начале XVII века почти неизвестным литератором Хун Цычэном. Афоризмы Хун Цычэна и его современников — знамение новой эпохи истории китайской культуры. И не только потому, что жанр афоризма, получивший в ту эпоху название «чистых речений» (*цинъянь*), именно в то время вошел в моду. Важнее отметить, что в Китае окончательное становление афоризма как литературной формы совпало с вызреванием нового, небывало широкого по своим масштабам и социальной значимости культурного синтеза. В рамках этого синтеза три традиционных учения Китая — конфуцианство, даосизм и буддизм — оказались частями некоего целостного мирозерцания, разными моментами единой жизненной позиции и уже не могли претендовать на исключительный характер своих ценностей.

Социальный фундамент нового культурного самосознания заложили расцветшие в ту пору города с их многолюдной, демократичной по духу уличной толпой, массовыми празднествами и увеселениями, открытостью самым разным идеям и традициям, относитель-

ной доступностью образования. Естественно, что вовлечение традиционных религий в городскую культуру сопровождалось их обмирщением. Соответственно изменилась значимость их канонического наследия, испытавшего воздействие двух разнонаправленных процессов. Основные идеи и символы этого наследия были усвоены светской культурой, тогда как его традиционные формы, напротив, все более теряли публичное звучание, превращались в формальность, ярлык школы или учреждения, приобретали сугубо инструментальное и служебное применение. Рядом с традиционной, канонизированной словесностью множились, затмевая их, новые литературные жанры, обращенные к широким слоям общества. Одним из результатов этого процесса обмирщения культуры и явилось распространение дидактических и вместе с тем ориентированных на повседневную жизнь и в этой повседневности черпавших для себя материал афоризмов.

В книге Хун Цзычэна мы встречаем очевидные приметы позднесредневекового этапа истории китайской культуры. Ее автор называл себя «монахом в миру» — весьма характерное прозвище для эпохи культурного синкретизма и секуляризации религиозных идеалов. В духе своего времени он с одинаковой симпатией и притом совершенно естественно, без всякого насилия над собой относится к традиционным «трем учениям» Китая — конфуцианству, буддизму и даосизму. Их союз кажется ему самоочевидным и вполне разумным. Но он имеет возможность свободно черпать из традиционных источников потому, что внутренне свободен от них. Для Хун Цзычэна — и в этом он тоже является достойным представителем своего времени — человек становится хозяином своей судьбы благодаря неутолимой жажде истины, способности самому судить себя, которые существуют в нем прежде всяких доктрин и останутся с ним, когда все доктрины прейдут. Как ни традиционен на первый взгляд Хун Цзычэн, он

не так уж далек от своего современника, выдающегося вольнодумца Ли Чжи, который, по его собственным словам, не хотел подражать ни Конфуцию, ни Будде, ни Лао-цзы, а стремился только «стать самим собой — и никем больше». И как ни анонимен для нас автор сборника «Вкус корней», каждое его суждение создано, несомненно, личностью, то есть человеком, умеющим критически оценить свой жизненный опыт и преобразить его в личную убежденность.

Бесспорно, имеется тесная связь между усилением индивидуалистического элемента в культуре позднесредневекового Китая и оформлением афоризма как эстетически значимого явления, как жанра изящной словесности. Почти музыкальная стройность китайских афоризмов того времени, к сожалению, с неизбежностью часто теряемая в переводе, проистекает из умения их авторов не просто писать, но и жить поэтически, видеть свою жизнь тем самым скоротечным мгновением, о котором говорится в первом же афоризме Хун Цзычэна. А что такое поэзия, как не опыт сознания бодрствующего, то есть сознания, внимающего потоку жизни и удостоверяющего свое бытие именно в неспособности ограничить себя какой бы то ни было «данностью»?

Так афоризмы Китая говорят о глубочайшей истине традиции: единстве единичного и единого. Это истина со-общительности — неотделимая от конкретного момента времени, но соединяющая людей безусловной и нерасторжимой связью. Она каждое мгновение соотносит нас с чем-то «вечно другим» и так оправдывает присутствие в нас Желания — этого вестника бесконечного в человеческой душе. Самое долговечное в человеке — не обязательно самое универсальное. Долговечна не абстрактная истина, а искренность чувства, не данная человеку как случайный подарок судьбы, а бесконечно долго предвосхищаемая, приуготовляемая и потому неизбывная. «Was bleibt aber, stiften die

Dichter», — говорил Гёльдерлин: «То, что остается, устанавливают поэты».

Что же остается? Очевидно, только неочевидное: то, что пребывает за рамками наличного, доступного, понятного и понятого. Знание «того, что остается», пожалуй, едва ли отличимо от незнания. Поэтому нельзя думать, что мы сообщаемся с другими вопреки разделяющему нас расстоянию. На самом деле коммуникация только и осуществляется через бесконечную даль пространства и безнадежную пропасть времени. И традиция всегда предстает перед нами как нечто «уже бывшее» лишь потому, что требует постижения безграничного поля опыта. Она дается прежде всего, а познается *после* всего. Это «вечно бывшее» лежит за гранью памятуемого и воображаемого, оно никогда никому не принадлежало. Одним словом, традиция — это связь времен, где незапамятное прошлое смыкается с невообразимым будущим; это нескончаемый путь сердца, а афоризмы — вехи, его отмечающие.

Афористическое слово есть язык сердца. Тем более примечательно, что в китайском философском лексиконе слово «сердце» означало также и сознание, и разум. Китайцы явно не хотели отделять размышление от переживания и вовсе не считали интеллект вершиной человеческого в человеке. По китайским представлениям, мысль и чувство сходятся (никогда, впрочем, не сливаясь в одно) в несотворенной, неизбывно длящейся жизни мирового сердца, «сердца Неба и Земли». В этой всебытийственной жизни, символизирующей полноту каждого отдельного «жизненного мира», безмятежность рефлексии, не локализованной в пространстве и времени, соседствует с покоем чистого желания, так что мысль и чувство оказываются едины именно по своему внутреннему пределу, своему завершению. И сама природа мирового сердца есть *coincidentio oppositorum*, единение несоединяемого, в конце концов — неизбывное самоотличение, еще точнее: самопревра-

щение. «Сердце Неба и Земли», по китайским понятиям, само себе не равно, оно всегда есть нечто «другое».

Нескончаем и неостановим поток внутренней, самоуглубленной жизни души: бесчисленными бликами этого потаенного, но светоносного потока предстает перед нами нестройная, как бы случайная россыпь афористических высказываний. Разгадка этого хаоса впечатлений — внутренняя полнота опыта, которая открывается только всецело освобожденному — даже от самого себя! — сознанию. Афоризм свершает свое предназначение, уводя мысль за пределы названного и известного к интимно-неизъяснимому.

Мы никогда не поймем пристрастия китайцев к «мудрости древних», если не примем во внимание, что милая их сердцу старина, зачастую вполне анонимная и даже неведомая, сведенная к неосвязаемому «аромату древности», была для всех поколений китайских литераторов и художников прообразом того самого «вечно другого», которое является необходимым и вездесущим условием самопознания. Эта недосыгаемая, неразгаданно-торжественная древность несводима к историческому факту. Она предстает, если воспользоваться выражением французского философа Э. Левинаса, «прошлым, которое никогда не было настоящим», но — по той же причине — пребудет вечно. Не ученического самоуподобления древним авторитетам искал китайский художник, обращаясь к «древности», но, напротив, приобщенности к всеединству жизни через осознание своего отличия от всего понятого и понятного, пусть даже древнего. А потому эстетический опыт был для него мерой этического, художественное совершенство — средством обучения и воспитания.

«Древнее» — это имя не устаревшего, не прошедшего, а всего «навек установленного» и, следовательно, нескончаемо плодотворного. Э. Гуссерль, словно вторя Гёльдерлину, назвал этот подлинный исток традиции «установлением» (*Schtiftung*), отметив, что речь идет

не о чем-то застывшем, устроенном, а об ускользающей «силе забвения истоков, которая дает прошлому новую жизнь...»

Правда со-общительности является законом творческой жизни и одновременно законом бытования традиции. Она дарует прозрение нового и позволяет сохранить преемственность даже в разрывах, формирующих человеческий опыт. Она побуждает к эксперименту, к выходу за горизонты настоящего, но открывает в настоящем нечто настоящее, нечто, вовек остающееся с человеком. Пытаясь понять вечнотекущий мир создателей афоризмов, мы не вправе пренебрегать ни одним нюансом, ни одним штрихом их наследия. Вот почему полный перевод книг Умэня и Хун Цзычэна, в которых на первый взгляд не все так ново, остроумно и доходчиво, как, возможно, хотелось бы иному читателю, — это не только дань научной аккуратности, но еще и признание бесконечности творческого потенциала жизни, всегда неповторимой в своих проявлениях и потому не знающей разделения между «главным» и «второстепенным», не имеющей в себе ничего незначительного. Ибо, поистине, в жизни значительно только отсутствие нарочитой многозначительности.

Идеальное или универсальное остроумие — чистой химера. И даже если бы оно существовало, на него никто бы не покусился, ведь им без труда мог бы завладеть каждый. Но иметь ум «как у всех» — все равно что носить одежду «как у всех». Случись такое, остроумие потеряло бы всякую цену. В отличие от эклектических собраний «мудрых слов», где человеческие мысли предстают оторванными от индивидуального и культурного опыта, взрастившего их, и расставлены по отвлеченным рубрикам, словно засушенные цветы в гербарии, эта книга преследует цель показать не только цветы мысли, но и почву, на которой произрастает жизнеспособная мысль, то есть мысль, родившаяся в один неповторимый миг бытия и стремящаяся осмыслить уникальное в себе.

Что же это за почва? Китайская традиция дает краткий и точный ответ: такой почвой является *дао*, что значит буквально «путь». Любопытно, что в классическом китайском языке это слово обозначает одновременно пребывание в пути и словесное сообщение. Дао — это и движение человеческого духа, и его самосвидетельствование, возможное лишь там, где человек доверяет себе, и, следовательно, требующее искренности. Дао есть сам акт про-из-растания и про-из-речения человека, в котором человек сам себя превосходит и себя познает, сам живет и сам оценивает свою жизнь. Путь нельзя свести к отвлеченной идее, его нужно пройти воистину. И итог пути, каким бы он ни был, ничего не перечеркнет из пройденного.

Сейчас невозможно перечислить все следствия, вытекающие из уподобления жизни пути сердца. Достаточно сказать, что оно открывает перед нами перспективу размышления, где каждое понятие берет жизнь от своего предела, тезис оправдывается антитезисом, памятуемое укореняется в забытом. Если мы поймем, что эта перспектива делает возможной все метаморфозы смысла и в конечном счете саму работу мысли, не будучи сама ни идеей, ни фактом, ни сущностью, ни даже опытом и никак не определяя содержание мышления, мы поймем, почему реальность в традиционной китайской мысли именовалась «всеобъемлющей пустотой» и почему китайцы называли эту пустоту «бесполезной полезностью».

Мы заговорили о постижении предельности вещей, но предельность — существенное свойство афоризма. Недаром само слово «афоризм» по-гречески выражало идею «очерчивания границы», «установления предела». Афоризм отмечает рубежи нашего опыта; он говорит о том, что в любой момент является уже заданным нам, хранит в себе некий предваряющий наше понимание смысл. Он выражает движение мысли к своему внутреннему центру и обладает смысловой

законченностью, которая воздействует не столько умственно, сколько эстетически. И в европейской, и в восточной афористике подобный импульс стяжения в точку обычно воспроизводится средствами синонимического параллелизма, как бы возвращающего мысль к одной неизреченной и непрерывно наследующей самой себе реальности. Афоризм не спорит, а утверждает. И вечно возвращает к предвечному.

Будучи наиболее экономным способом выражения мысли, афоризм не оставляет места для какой бы то ни было условности, манерности, нарочитой усложненности в языке. Эстетическое начало в афористике неотделимо от содержания мысли. Афоризм создается как бы без нашего усилия, повинуюсь ритму и мере самих вещей, объективным законам пластических форм. Поистине, афористическое слово — это изваянная мысль. В ней оживает поэтическая стихия языка, о которой свидетельствует немецкое слово *dichten*, означающее одновременно «делать поэзию», «поэтизировать» и «уплотнять», «сжимать». Афоризм познается не просто умом, но всей полнотой телесной интуиции, почти *на ощупь*.

По мнению испанского философа Х. Мариаса, «афоризм — ложный путь философского высказывания; он искусственно самостоятелен и являет собой устранение реальных связей. Когда я изрекаю афоризм, я никогда не поясню, почему я так говорю». Мышление, заключает Х. Мариас, «не может продолжаться афоризмами». Сама по себе оппозиция истинности и ложности, как мы убедимся ниже, едва ли применима к афоризму. Но афоризм действительно знаменует конец размышления; он очерчивает границу познанного, ставит мысль перед бездной не-мыслимого, укореняет слово в неизреченном. Мышление афоризмами есть акт повторения неповторяемого, цепь уникально-законченных моментов, или, что то же самое, постижение безусловного единства бытия, представляющего пределом всех форм.

Афоризм завязывает «цепь мыслей» в узел. Не нуждающийся в доказательствах, он отсылает не к другому суждению, а к смыслу, схороненному в нем самом. Мы знаем уже, что этот смысл есть некое единение, смешение слова и молчания, мысли и немислимого, наличного и отсутствующего. Другими словами, «смысл» афоризма есть именно со-мыслие, встреча разных планов бытия, несовместимых значений. Смысл способен ускользнуть из того, что мнится нам совершенно ясным, но он манит к себе даже в бессмыслице. И чем меньше мы тратим слов, тем больше можем сказать. О неисповедимых путях смысла сообщают слова древнего даосского философа Чжуан-цзы:

Говоришь всю жизнь — и ничего не скажешь.
За всю жизнь не произнесешь ни слова —
и все выскажешь.

Афоризм никогда не есть лишь данность. Он хранит в себе произрастание, самотрансформацию мысли, выявляющие границы понятий. Читая афоризмы, мы видим в тексте не идеи и сущности, а семена и силы. Афоризм всегда — *tour de force*. Но его энергетический импульс носит характер отклика на предвечное Присутствие бытия, возврата к тому, что всегда «уже есть», но неизменно предстает как «другое». Афоризм неизбежно иносказателен: в нем именуется нечто такое, что вовек отсутствует, и, однако, не является самостоятельной сущностью, которую можно назвать или определить. Китайская традиция исходила из отмеченной выше внутренней прерывности смысла и обращалась к некоему первичному пониманию, которое не может быть выражено в понятиях, но косвенно удостоверяется самим фактом нашего мышления и дает нам знать о сокровенной жизни «сердца Неба и Земли».

Понимание интуитивное, неформализуемое и понимание объективированное, логически упорядоченное, понимание предвещающее и понимание представлен-

А 94 **Афоризмы** Старого Китая / пер. с кит. В. Мальявина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-27654-3

Афористическая словесность имеет глубокие корни в классической культуре Китая. Восточной философии в целом свойственна отточенность формы, заключающая мысль в своего рода кристалл, переливающийся многоцветными гранями смыслов, образов, ситуаций и точек зрения. Живописные, поэтически-парадоксальные даосские коаны, безмерные в своей недосказанности буддистские притчи, наследие конфуцианских ученых, оформленное в виде прямолинейных сжатых изречений, представляют собой не просто яркие образцы афористики, но лежат в основе богатейшего комплекса духовно-нравственных истин Старого Китая.

В настоящее издание вошли полные тексты и фрагменты литературных памятников Старого Китая: «Застава без ворот» Умэня, «Вкус корней» Хун Цзычэна и «Прозрачные тени снов» Чжан Чао, выдержки из сборника «Скрижали Лазурной скалы» и других произведений.

УДК 13
ББК 87.3(5Кит)

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Людмила Дубовая, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.05.2025.
Формат издания 76 × 100 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндiрушi: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА* тауар белгiсiнiң иесi, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д.36Б.

A-NFA-36663-01-R